

18+

ВИКТОР РЫМАРЕВ

# ПРОЛОГ

# Виктор Рымарев

## Пролог

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=63936846](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936846)*

*ISBN 9785005317001*

### Аннотация

В небольшом райцентре Кашине пропала девушка Татьяна Никитина. Милиция бессильна. Начальник кашинского ОВД отправляется в Калинин, где просит прислать в Кашин молодого и симпатичного следователя. Его цель – войти в доверие к Таниной подруге Наташе Петровой и попытаться узнать от неё, куда исчезла Татьяна. Под видом молодого специалиста в Кашин приезжает молодой следователь областной прокуратуры. Он знакомится с Наташей и выполняет задание. Только вот радости от этого не испытывает.

# Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	30
НАЧАЛЬНИК ООТиЗ	35
Глава третья	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

# Пролог

**Виктор Рымарев**

© Виктор Рымарев, 2021

ISBN 978-5-0053-1700-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# Пролог

Много времени прошло, много воды утекло в небольшой русской речке Кашинке, я давно на пенсии и всё чаще и чаще задумываюсь о том, что ждёт меня *там*?

Как *там* встретят меня? Что скажу в своё оправдание? Имею ли я право на прощение?

Самое тяжёлое – это ночи. Днём легче. Суета, заботы, внуки. Время летит, и, кажется, ничто не остановит его.

Но наступает ночь. Я послушно укладываюсь в кровать и под тихое посапывание жены привычно утыкаюсь взглядом в потолок. И время останавливается. Вопреки всем физическим законам.

И я вновь оказываюсь в старинном русском городке, вновь брожу по его улочкам и переулкам мимо древних церквей и монастырей (один из них начал было восстанавливать популярный радиоведущий, но погиб в автокатастрофе).

Мне бы съездить в Кашин, зайти в одну из этих церквей, поставить свечку, помолиться. Покаяться.

Но...

Нет мне прощения.

# Глава первая

29 июля 1975 года. Вторник. Калинин.

– Заканчивается посадка на автобус до Кашина с отправлением в семь часов пятьдесят пять минут. Повторяем...

Когда она началась, интересно знать? Я торчу на вокзале не менее сорока минут. Неужели прослушал? Я взглянул на часы: ого, 7.54!

Поспешно свернул газету, засунул в «дипломат» и, взяв его в одну руку, а огромный кожаный чемодан в другую, начал проталкиваться к выходу через единственную открытую дверь.

Возле автобуса, новенького «Икаруса», было пусто. Лишь шофёр, молодой парень в форменной куртке, закрывал багажное отделение. Он никак не отреагировал на мой красноречиво протянутый вперёд чемодан и, без всякой надобности пнув каблуком прекрасно накачанное колесо, молча полез в кабину.

Удивляться нечему. Ему явно не по нутру мой супермодный наряд. Это ясно читалось в презрительном взгляде, которым парень удостоил меня с высоты своего шофёрского величия, давая понять, чтобы я поторапливался: у него график и недосуг тратить драгоценное время на всяких там...

Поднимаясь по ступенькам в автобус, я заглянул парню в глаза. Вот ещё одного врага нажил. Надеюсь, не более чем

на время поездки.

Не нравилось мне всё это. И больше всего я сам. Длинный напыщенный павлин с казёнными перьями в распущенном хвосте. А как бестолково начался день! Чуть не прозевал автобус, затем шофёр со своим ущемлённым самолюбием, и, в результате, тащись с чемоданищем через забитый салон, ищи своё законное место, которое, как сам того пожелал, где-то в самом конце автобуса.

Спотыкаясь о портфели и сумки, задевая чемоданом сидящих в креслах пассажиров, я уныло брёл по узкому проходу, ежесекундно готовясь услышать дружеский оклик какого-нибудь «приятеля», который, по закону подлости, непременно должен отыскаться в проклятом автобусе.

Тогда всему конец.

И ничего нельзя поделаться. Поезда в Кашин из Калинина не ходят. Машину отбросили сразу: «Городок у нас маленький». Оставался автобус.

Я сделал всё, что было возможно сделать в данной ситуации: билет взял в конец салона, чуть свет притащился на автовокзал и даже нарядился соответственно.

И всё насмарку. Как я прозевал начало посадки?

Я боялся оторвать взгляд от чемодана, всем телом ощущая любопытные взгляды пассажиров.

Вот сейчас, сейчас раздастся ликующий вопль:

– Вадим! Какими судьбами?!

И, обращаясь к соседу (соседке):

– Теперь ехать не страшно: моя милиция меня бережёт!

Или ещё что-либо в подобном духе. Обязательно с намёком на мою профессию.

Ну, скажу я олуху царя небесного, что я вовсе не Вадим Красноталов: тридцати двух лет, женат, двое детей, а Владимир Николаевич Лебедев: двадцать пять лет, холост, молодой специалист, следующий по распределению в город Кашин на завод электроаппаратуры.

Кого убедишь моей «песней», предъяви я даже паспорт, диплом и направление? Злодей, конечно, извинится и даже ручку к груди приложит, но со своим соседом (соседкой) соответствующей мыслишкой поделится.

«А городок у нас маленький».

Эх, Нароков, Нароков, не вышел из тебя Шерлок Холмс, даже Анискин не получился. Хоть и мал твой городок и знаешь ты в нём каждую собаку.

Но, кажется, обошлось. Я благополучно добрался до указанного в билете места и кое-как пристроил вещи. Строго говоря, моё место у окна было занято, но там сидела такая молоденькая и такая хорошенькая девушка (студентка КПИ, судя по стройотрядовской форме), что у меня не хватило наглости согнать её оттуда.

Тем более, соседка, похоже, была не в духе. Не часто доводилось мне видеть у столь прелестных и юных созданий столь мрачного личика. Она демонстративно отвернулась от меня и прилипла к оконному стеклу. Что и говорить, там

было на что посмотреть: облупленный пивной ларёк с полупьяными мужиками вокруг.

Интересно, чем я ей не угодил? Калининская она или кашинская?

Может быть, её знакомая или подруга. «Городок у нас маленький». Но бог с ней, с девушкой. Пора окончательно войти в образ.

Я откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза...

Вчера я после отпуска вышел на работу. Всякий знает, как чувствуешь себя в первый рабочий день, когда весь ещё мысленно там, на песочке под жарким южным солнышком.

Я лениво перебирал бумаги, входя понемногу в рабочий ритм, когда меня неожиданно вызвал Кузьмич.

Он был в кабинете не один. Рядом с ним сидел Нароков – начальник ОВД кашинского горрайисполкома.

– Как дела, отпускник? – приветливо пробасил Кузьмич, окидывая меня придирчивым взглядом цепких серых глаз.

– Нормально, – ответил я, пожимая протянутые немозолистые руки.

– Хорошо, просто замечательно, что у тебя всё нормально. Ты присаживайся, разговор будет долгий. Вот сюда, поближе к столу, чтобы мы с Петром Ильичём лучше видели тебя.

Чего на меня смотреть? Что я, переходящий вымпел? Неужели не надоел за столько-то лет совместной работы? Тем не менее, я опустился на указанное место под яркий свет настольной лампы. Как на допросе.

– Ну, – усмехнулся Кузьмич, – соскучился по работе? Тебе бы сейчас гору повыше да лопату побольше?

– С меня и бугорка достаточно. Больно горы у нас вонючие.

– Ха-ха-ха! – Кузьмич откинулся на спинку кресла. – Вонючие, говоришь? Верно. Ещё как воняют. Как там Маяковский говорил: «Ассенизаторы, партией мобилизованные». Так вроде?

Кузьмич глянул на молчаливого Нарокова. Тот согласно боднул большой коротко стриженной головой.

– Похоже.

– Вот я и говорю: в самую точку Владимир Владимирович попал. Прямо о нас... Ну, ладно, – Кузьмич посерьёзnel. Вздохнул. – Как бы там ни было, а работать надо... Хорошо выглядишь, – сделал он резкий поворот в разговоре. – Посвежел. Загорел. Лет двадцать пять, больше не дашь. Как считаешь, Пётр Ильич?

Нароков вновь мотнул головой.

Я на всякий случай улыбнулся. Попробуй, пойми, что у начальства на уме?

– Ездил куда или на даче ковырялся?

– То и другое. Недельку на даче попаслись, затем на юг махнули.

– В Крым?

– Феодосию.

– Вдвоём?

- Всем кагалом. Вчетвером.
- Забыл, сколько твоей младшей?
- Три годика.
- Ничего?
- Лучше всех дорогу перенесла.
- Как там цены?

Чем дольше продолжался наш разговор, тем менее я что-либо понимал. Наша беседа совершенно не соответствовала характеру Кузьмича и, тем более, занимаемой им должности. Может он перед Нароковым разыгрывает из себя демократа? С чего бы вдруг? Да знает его Нароков, как облупленного. Что-то здесь не то. Впрочем, дело подчинённого не рассуждать и, тем более, не обсуждать поведение начальства, а с наименьшим напряжением делать то, что оно, начальство, велит тебе делать. Не выходя за рамки уголовного кодекса.

Потому я самым добросовестным образом рассказал им (в жизни не имел более благодарных слушателей) о том, что жили мы не в самой Феодосии, а в Береговом – небольшом посёлке, который находится в нескольких километрах от города, по существу являясь его продолжением. Что жизнь в посёлке гораздо дешевле, нежели в Феодосии, и пляж там прекрасный, как раз такой, какой нужен для отдыха с детьми – он так и называется Золотой. Правда, там частенько дуют ветры, чего, к примеру, лишены отдыхающие в Коктебеле, расположенном между гор, но зато в Береговом гораздо спокойнее, а это главное для детей. Что овощи

и фрукты мы покупали в государственном овощном магазине, там они гораздо дешевле, чем на рынке в Феодосии, цены на котором точно такие, как у нас, в Калининe. Что касается качества продуктов, то, к примеру, помидоры, при стоимости их в магазине десять копеек за килограмм, ничем не хуже рыночных. А персики, которые мы покупали в магазине по пятьдесят копеек за кило, хотя и были мельче и мятее рыночных, пятирублёвых, но зато гораздо вкуснее последних, так что мы стали покупать персики только в магазине. Наш девиз был таков: лучше маленький, но спелый и вкусный персик, нежели большой, но твёрдый и кислый! А вот картошку приходилось брать у частника. Там она дефицит и стоит рубль, а то и полтора рубля за килограмм. (В этом месте Кузьмич покачал головой, а Нароков сочувственно хмыкнул).

Я ещё много чего им наговорил. А они сидели и слушали. Внимательно слушали.

Наконец я выдохся и, обессиленный, вопросительно посмотрел на Кузьмича. Тот переадресовал мой взгляд Нарокову. Нароков неопределённо пожал плечами.

– Вам решать, – сказал он Кузьмичу. – Вы лучше знаете свои кадры.

Кузьмич усмехнулся, почесал обширную плешь и ещё раз внимательно осмотрел меня с головы до каблуков.

– Вот какое дело, Вадим, – сказал он задумчиво. – Надо помочь Нарокову. – Кузьмич замолчал, барабаня пальцами

по столу, что он делал всегда, когда предстояло принять ответственное решение. – Поедешь в Кашин, – голос Кузьмича окреп, в нём зазвенел такой знакомый металл, что я с трудом удержал себя от желания вскочить на ноги и встать по стойке «смирно», – где поступишь в распоряжение Петра Ильича.

Я вопросительно уставился на Нарокова, но он был непробиваем.

– Ну что, Пётр Ильич, – Кузьмич грузно повернулся к Нарокову, – симпатичного парня, как ты просил, мы тебе подобрали. Смотри, какой орёл! Неужели какая-то соплячка устоит перед таким «красавцом». Приоденем соответственно, так ваша кашинская Дульцинея сама ему на шею бросится.

– Парень он, конечно, видный, – с сомнением в голосе проговорил Нароков, – но... бойкости в нём не чувствуется. А нам, сам знаешь, нельзя тянуть.

– Какая ещё бойкость? – нахмурился Кузьмич. – Тебе что, конференсье требуется?

Нароков досадливо сморщился.

– Ты не понял меня. Очень занудно он рассказывал про свой отпуск. Разве так можно? Всё-таки в Крыму, не в Рамешках побывал. О ценах десять минут талдычил, а про музеи Грина и Айвазовского не заикнулся.

Кузьмич громко, от души рассмеялся.

– Чудак-человек! Чего ему перед нами, старыми хрычами, бисер метать? А то он не знает, что нам эти музеи нужны как

мёртвому припарки. Вот попроси его Леночка про Крым поведать, – он кивнул на дверь, за которой, в приёмной сидела его секретарша, – тогда он таким соловьём зальётся... Давай ближе к делу, не тяни kota за хвост.

Нароков не стал спорить. Кто спорит с начальством? Он раскрыл портфель, достал папку и положил на стол. Судя по её толщине, дело было серьёзное.

Пётр Ильич раскрыл папку.

– Подробно?

Кузьмич отрицательно качнул головой.

– Незачем сейчас рассусоливать. Ты введи его в курс, а там, на месте, он сам вникнет во всё. Парень толковый, разберётся, что к чему.

– Хорошо.

Нароков откашлялся, вынул из папки фотографию и протянул её Кузьмичу. Кузьмич бегло взглянул на снимок и передвинул фото ко мне. Чёрно-белая фотография размером 13x18. Явно любительское фото, но качество неплохое. Была снята девушка (или молодая женщина) в купальном костюме (бикини), на берегу небольшой заросшей тростником речушки. Девушка стояла на траве, слегка откинув назад голову с длинными, до плеч, белокурыми волосами, и, жмурясь от яркого солнца, весело кричала что-то фотографу, либо кому другому, кто стоял за кадром... Красивая. Грудь, ножки, всё как положено.

– Красивая женщина, – сказал я, возвращая фотографию

Нарокову. – Что натворила?

– Никитина Татьяна Фёдоровна, – прилежно, как первый ученик в классе, забубнил Нароков, убрав фотографию в папку, – 1957 года рождения, мастер лёгкого платья комбината бытового обслуживания, проще говоря, портниха, – Нароков сделал паузу, – пропала без вести. Последний раз её видели 30 июня 1975 года, то есть месяц назад.

В первый день моего отпуска. Восемнадцать лет. Со всем девчонка. А на фото выглядит старше. Гораздо старше. Может, качество бумаги? Или фотограф перемудрил?.. Да, но причём здесь «орёл, симпатичный парень»?

– Мы сделали всё, что могли, – Нароков ласково, как любимую кошку, погладил папку. – Со временем не считались. Но, – Нароков искоса глянул на Кузьмича, – как сквозь землю провалилась!

– Погоди, – перебил Кузьмич Петра Ильича, – что ты перед нами оправдываешься? Не маленькие. Понимаем, что к чему. Ты лучше объясни парню, что тебе надо от него.

Нароков оторвался от папки, выпрямился и глубоко вздохнул. Чувствовалось, он подходит к самому неприятному месту в своём сообщении.

– Как я говорил, мы сделали всё, что могли. И даже больше, – Нароков нервно потёр руки и опять вздохнул, – Городок наш маленький. Пукни, (он употребил другое слово) – через минуту весь город будет знать. Так вот, есть у нас девушка. Наташа. Точнее, Петрова Наталья Сергеевна.

– Опять ты за своё, – не выдержал Кузьмич, – городок, девушка. Давай ближе к делу!

– Куда ближе, – огрызнулся Нароков. – Сейчас всё объясню. Погодите минутку. На чём я остановился? – он наморщил лоб. – Ах, да. Городок у нас маленький, – Кузьмич безнадёжно махнул рукой, – и есть такой слушок, что должна Наталья знать, куда запропастилась её лучшая подруга.

– Они дружили? – поинтересовался Кузьмич.

– В одном классе учились.

– Так в чём дело? Раскрути. Тебя что, учить надо, как такие дела делаются?

Нароков скрипнул зубами. Но сдержался.

– С Никитиной тридцать человек в одном классе учились. Всех не раскрутишь. А у Петровой железное алиби. Её мать лежала в больнице после тяжёлой операции на сердце, и Наташа сутками не вылезала оттуда. Десятки людей подтвердили её невиновность. Я же сказал: городок у нас маленький, все знают обо всём.

– Только не знают, куда Никитина подевалась, – съязвил Кузьмич.

– И это известно, – вздохнул Нароков. – Наверняка известно.

– Всем, кроме тебя.

– Всем не всем, но... Я с Петровой неоднократно беседовал. И к себе вызывал, и домой к ней заходил. И по-хорошему и, – Нароков резко оборвал фразу и сокрушённо развёл

руками. – Упёрлась. Твердит, что ничего не знает. Хотя ты ей кол на голове теши!

Кузьмич с сомнением помял подбородок.

– А, может, действительно не знает?

– Врёт, – отрезал Нароков. – Всё ей прекрасно известно. Я ведь её, как облупленную, вот с этих пор знаю. – Нароков поднял руку сантиметров на пятьдесят от пола. – На моих глазах выросла... Но почему говорить не хочет?.. И сын мой, Колька с Таньк.. Татьяной десять лет просидел на одной парте. Как их Марья Иосифовна в первом классе посадила. Дружил он с Татьяной и Наташей. После школы гуляли вместе. Всегда, бывало, втроем. В армии он сейчас, – несколько поспешно ответил Нароков на наш немой вопрос. – Весной призвали. В Туркмении служит. Слыхали про такой город – Мары?

– Впервые слышу, – нейтрально заметил Кузьмич.

– Далеко, – вздохнул Нароков.

– Надо думать, – буркнул Кузьмич. – А не было у них, случаем, любовного треугольника? – поинтересовался он, высказывая мою мысль.

Пока парень тянет армейскую ляжку, деваха избавилась от соперницы. Чего проще. Подобных «love story» сколько угодно. В подобные любовные треугольники людей засосало больше, чем в Бермуды.

– Нет, – вздохнул Нароков. – Здесь что-то другое. Мы этот вопрос с особой тщательностью проработали.

– Тогда ясно и коротко доложи, что тебе нужно?

– Так я и говорю: городок у нас маленький...

Кузьмич застонал, а я едва сдержал смех.

– ... Все друг друга знают. Поэтому мне и нужен новый, неизвестный у нас человек. Молодой и симпатичный. Чтобы мог войти к ней в доверие.

– Кому это, к ней?

Кузьмич, разумеется, вовсе не нуждался в уточнении, но своим вопросом давал понять, что пора и мне проявить активность. Всё равно от дела не отвертеться.

Но мне и самому всё было понятно. Нужно втереться в доверие к девчонке, Петровой и выудить у неё, куда запропала её разлюбезная подруга. При условии, что Петровой известно что-либо. А это вилами на воде написано.

Всё хорошо, но чтобы войти в доверие к женщине до такой степени, чтобы она согласилась распахнуть перед тобой свою душу со всеми её затаёнными уголками и закоулками, нужно, как минимум, забраться к ней в постель. И устроиться там весьма основательно.

А мне вовсе не улыбалась подобная перспектива. И проблемы с ней связанные.

– К Петровой, – пояснил Нароков.

– Дохлый номер, – подал, наконец, я свой голос. – Что она, дура, выложить всё первому встречному?

– Иной раз первому встречному такое выкладывают, что родному отцу вовек не расскажут.

На что Кузьмич намекает? Или делится богатым семейным опытом?

– У нас нет другого выхода, – вздохнул Нароков. – Это наш последний шанс.

– Ладно. – Кузьмич рубанул ладонью по столу. – Задача ясная.

И посмотрел на меня.

Ему, конечно, всё ясно. Он здесь останется. Мне, а не Кузьмичу придётся тащиться в затрюханный Кашин и соблазнять там какую-то девицу. Хорошо, если симпатичная. А если корова коровой?

– Не справлюсь я, Михаил Кузьмич. Отвык. Я и говорить с ними разучился. Одни запчасти да навоз на уме, а ими не то, что девушку, старуху не соблазнишь.

– Тебя никто не заставляет её соблазнять. Ты подружись с ней, войди в доверие.

– Если дело в том, чтобы войти в доверие, то никто лучше Мишки Винника не справится. Он без мыла к любой бабе в... душу залезет. Он моложе меня, и холостой в придачу. Может жениться на девушке. Для пользы дела.

– Михаил мне здесь нужен, – отрубил Кузьмич. – И вообще, – поморщился он, – давай без кокетства. А насчёт женитьбы – хорошая идея. Сколько тебе было, когда с Ниной расписался?

– Двадцать пять.

– Вот и прекрасно. Начнёшь сначала. Сделаем тебя опять

молодым и неженатым. Чем плохо? Что у вас там есть из предприятий? – повернулся Кузьмич к Нарокову.

– Ликёроводочный, завод электроаппаратуры, льнозавод, сельхозтехника, – Нароков старательно загибал пальцы.

– Так, – оборвал его Кузьмич, – на завод электроаппаратуры приезжает молодой специалист. Предположим, экономист. Симпатичный парень, двадцать пять лет, холост, спортсмен, не пьёт, не курит. Что ещё надо? Какая девка устоит? Но смотри – не зарывайся. Без глупостей. Впрочем, парень ты серьёзный. Не подведёшь.

Что означало: приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Правда, оставалось неясным, куда или во что именно я должен был «не зарываться» и какие «глупости» он имел в виду?

– Детали обсудишь с Нароковым, в чьём распоряжении ты отныне находишься, а документы тебе сейчас подготовят, – подытожил Кузьмич и встал. – Да, кстати, – крикнул он мне вдогонку, – зайди к Воронцову, подбери барахло помоднее. Я ему звякну. И вечером обязательно загляни ко мне.

Я согласно кивнул и вышел к Нарокову, который нетерпеливо переминался в приёмной. Провёл его в свой кабинет.

– Давайте обсудим детали, – сказал я, кивая на свободный стул.

– А что обсуждать? – развёл руками Нароков. – Жду вас завтра в Кашине. Там и разберёмся. Первый автобус в 7.55. Очень удобный рейс.

– Завтра? – удивлённо переспросил я. – К чему такая спешка?

Как землю роет. Чего так расстарался? Раньше надо было стараться. А теперь: рой не рой... Поздно.

– Мне, всё-таки, подготовиться нужно.

– Чего готовить? Документы давно готовы. Фотографии наклеить.

– Хорошо. Завтра так завтра. Как будем поддерживать контакт?

– Завтра, – с ударением на первое слово проговорил Нароков, – как приедете в Кашин, сдайте вещи в камеру хранения, садитесь на рейсовый автобус (он у нас один) и езжайте до центра. Завод электроаппаратуры рядом с остановкой. Если не будете тянуть, то до обеда успеете в отдел кадров. Обед у них с двенадцати до тринадцати. Обращайтесь непосредственно к начальнику отдела. Он в курсе.

– Что именно он знает?

– Не волнуйся, – улыбнулся Нароков, – лишь то, что к нему должен обратиться мой знакомый, которого нужно устроить на работу. Кстати, он отставник, умеет держать язык за зубами. После того как оформишься на работу, отправляйся по адресу: Луначарского, 9. Запомнил?

– Луначарского, 9.

Быстро он вошёл в начальственный образ.

– Там живёт Шорникова Марья Ефремовна. Она держит квартирантов. Сейчас у неё комната свободная. Скажешь,

что её порекомендовали тебе на заводе.

– Почему именно Шорникова?

– Мы с ней соседи. Огороды рядом и нужник у нас общий. Поводов для контакта будет более чем достаточно.

– У неё частный дом?

– А ты что думал? – усмехнулся Нароков. – Не в Париж, чай, едешь.

Действительно, не в Париж. Но какая честь: ходить в один нужник с Нароковым! Как бы голова не закружилась от неслыханного доверия.

– Суду всё ясно. Не смею больше вас задерживать.

– До встречи, – сказал Нароков, подавая руку.

– В нужнике, – закончил я. – А папочку?

– Ах, да, – поморщился он, – совсем из колеи выбился с этим делом.

Нароков положил папку на стол и вышел из комнаты.

Я стал перелистывать документы. У меня было слишком мало времени, чтобы ознакомиться с делом досконально, да этого и не требовалось. Всему своё время. Сейчас я ставил перед собой более скромную задачу: меня интересовал стиль работы Нарокова. Но как ни скромна была моя задача, папка была объёмна, и даже на то, чтобы просто перелистать её, потребовалась уйма времени. Затем возня со шмотками. Даже перед собственной свадьбой я так не копался в тряпье. Что поделаешь, слишком много значат они в нашей жизни. Особенно, когда ты обязан соблазнить молоденькую девуш-

ку. Мы с Воронцом перерыли весь склад ОБХСС. В итоге набрался целый чемодан сплошной «фирмы».

С чемоданом я и завалился к начальству. Вид у Кузьмича был... От холеной утренней барственности не осталось и следа.

– Садись, – устало кивнул он на стул. – Выкладывай, что накопал? Только короче.

– Ничего хорошего. Дохлое дело. Несчастный случай отпадает. Утонуть там негде. В Кашинке вода в лучшие годы выше колен не поднимается. Уехать не могла. Все документы, включая сберкнижку, остались дома. Как была в стареньком сарафанчике и простеньких туфельках, так в них и пропала. Единственная, более-менее приемлемая версия – похищение. Вопрос: кому она понадобилась? Не ЦРУ же?

– Что надумал?

– Есть пара идей.

– Ну?

– Девичья фамилия матери – Оболенская.

Я выразительно посмотрел на Кузьмича. Клонет?

– Ну и?

– Белая гвардия. То да сё...

– Ермакову (начальнику УГБ) хочешь спихнуть? Не выйдет. Моя мать – Голицына. Что из того?

Сорвалось.

– Вторая версия такая. Деваха она молодая, красивая, блондинка. А в их районе джигитов, как мух, развелось. Гру-

зины, армяне, чеченцы, кого там только нет. Парни молодые, горячие. При деньгах. Уговорили девку, а то и силой в машину затолкали. Дальнейшее известно. Что от неё осталось? Добили. Сунули в багажник. Отвезли подальше. Закопали. Ищи теперь ветра в поле.

– Вот и получается, что всё в подругу упирается, – задумчиво проговорил Кузьмич. – Сумеешь расколоть девчонку?

– Далась вам...

– Нароков прав. Петрова – наш последний шанс. И учти, – Кузьмич поднял вверх указательный палец правой руки, – этим делом Москва интересуется.

– Москва?

– Москва.

Странно. Какое дело Москве до провинциальной девчонки? Скромной портнихи из местного КБО. Пусть даже и красивой блондинки.

х х х

Нина была дома. Она лежала на диване с раскрытым томиком Игоря Северянина в руках. Полы и без того коротенького халатика задрались, полностью обнажая тёмно-коричневые ноги. Интересный факт: Нина у меня натуральная блондинка, но ни разу в жизни не видел её с облупленной либо красной от недавно слезшего загара кожей. Хотя на солнце она может торчать целыми днями. То ли кожа у неё такая,

то ли загорать умеет.

– Как мечтать хорошо Вам в гамаке камышовом, – прогнусавил я, наклоняясь над супругой.

– А, это ты.

Нина хлопнула мохнатыми ресницами и вновь уткнулась в «Громокипящий кубок».

– Иди, поешь чего-нибудь. Я у своих перекусила.

– К чёрту ужин, – «страстно» прошептал я. – Разве можно думать о еде, когда...

Мои ладони заскользили по шелковистой коже.

– Да ну тебя!

Нина раздражённо дёрнула ногой и, скинув мои руки, поправила халатик.

– Отстань! Вечно у тебя одно на уме. Устанешь, как собака, и ты ещё лезешь.

Вмиг улетучилось всё моё вдохновение.

– Можно подумать, – язвительно прошипел я, – что Ваше Величество соизволили отстоять две смены у мартена: так Вы устали, бедненькая, сидя на попочке в уютном кабинетике. И, к Вашему сведению, я не «лезу» к Вам уже полтора месяца. И, по крайней мере, столько же Вам не грозит моё «лезанье», потому что завтра я уезжаю в командировку.

Как понимал я шекспировского мавра.

Но и её я прекрасно понимал.

Я сам устал за отпуск как та же самая собака. Сначала выматывающая душу подготовка (вдруг сорвётся, вдруг её или

меня не отпустят, вдруг дети заболеют, вдруг машина сломается...); затем недельная клубнично-земляничная эпопея на даче; затем двое суток дороги в душной машине, в которой из-за детей боялись даже чуть-чуть приоткрыть окна; затем, так называемый, отдых или, говоря нормальным языком, трёхнедельный кошмар, когда на пляж ходили как на работу, а часовое стояние в столовской очереди воспринимали как нечто само собой разумеющееся.

Конечно, там, в крохотной комнатёнке, в которую едва втиснули четыре кровати, об «этом» не могло быть и речи. Но почему, чёрт побери, мы не можем сделать «это» сейчас, когда мы одни в трёхкомнатной квартире (дети с моими стариками на даче), и нам не в состоянии помешать ни одна живая душа?

– Ты что, обиделся?

Она, наконец-то, соизволила оторваться от книги. Её голубые глаза смотрели на меня столь невинно, а длинные ресницы хлопали так дружелюбно, что я обречённо махнул рукой.

– С чего ты взяла?

– Не-ет, – убеждённо протянула Нина. – Ты обиделся. – Она закрыла книгу, не забыв, впрочем, заложить загорелым пальчиком место, на котором остановилась. – Вот дурачок. Дни считаешь. Неужели ты не можешь без «этого»? Ведь не сейчас же? Всему своё время.

Знакомая песня.

Ладно. Переживём.

Но стоило мне загреметь на кухне посудой, как она обьявилась подле меня с самым виноватым и смиренным выражением лица, какое только смогла изобразить.

– Я знаю: ты со мной не водишься.

– Да вожусь я. Вожусь. Дай поесть спокойно. Мне ещё нужно собраться.

– Надолго?

– Не знаю. Как выполню задание, так и вернусь.

– Какое задание?

– Секрет.

– Ах, у вас секреты.

Надулась. Обиженно засопела.

– Один отправляешься? – спросила, не поднимая глаз.

Вопрос провокационный. Я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. При всей своей холодности Нина ревнива ужасно. Последний предмет её интереса – Олечка Краснова, наша сотрудница. Нина вбила себе в голову, что у меня с Олечкой роман. Чем руководствовалась – не знаю? Потому что, при всей своей незаурядной внешности, Олечка для меня круглый ноль. Как и я для неё. Ибо мы – одноимённо заряженные частицы, которые, как известно, способны лишь отталкиваться друг от друга.

– Один, – серьёзно заявляю я. – А задание самое заурядное: требуется накрыть одного барыгу.

Как ни прискорбно, но иногда приходится врать. Страш-

но подумать, что было бы, раскрой я подлинную суть полученного задания.

Дожевав яичницу с колбасой, (что ещё я мог приготовить?) и, запив стряпню холодной кипячёной водой, я весьма вежливо поблагодарил себя за отлично приготовленный ужин (разумеется, она фыркнула при моих корректных словах так язвительно, как только смогла), притащил чемодан и стал собираться в дальнюю дорогу.

## Глава вторая

29 июля 1975 года. Вторник. Кашин.

Вот мы и в Кашине. «Икарус» замер возле нового здания вокзала. Я взглянул на часы: 11.20. Надо поторапливаться, если хочу успеть на завод до обеденного перерыва. К счастью, в салоне осталось менее половины пассажиров. Большинство пассажиров, включая мою милостивую соседку, высадилось при въезде в город, не доезжая до автовокзала.

Быстренько выскакиваю из автобуса, поднимаюсь по ступенькам в здание вокзала, сую чемодан в автоматическую камеру хранения, сажусь на рейсовый автобус и через десять минут оказываюсь в центре. Мне прежде не доводилось бывать в Кашине, но обнаружить завод оказалось делом несложным. Как и говорил Нароков, завод электроаппаратуры находился в трёх шагах от остановки. Только слепой мог не заметить его.

Вообще-то могли бы, конечно, подыскать для завода местечко где-нибудь за городом. Производство, как-никак, далеко не безобидное. Даже я знал о сём прискорбном факте.

Ещё на что я успел обратить внимание, прежде чем подошёл к заводууправлению (трёхэтажное кирпичное здание), так это на громадный пяти купольный собор с высоченной колокольней. Он стоял метрах в пятидесяти от бетонной сте-

ны, которая окружала заводскую территорию. Я даже прочитал пару прилепленных к собору табличек. На одной крупными красными буквами было выведено: «ЗАГС» (вот она преемственность поколений!), а на второй – голубыми буквами: «Ресторан Русь»

Как удобно, однако: обвенчался, то бишь расписался и тут же, не отходя от кассы, ты волен отметить столь знаменательное событие. Возможно, и мне предстоит подобная процедура, если только я смогу охмурить загадочную Наташу Петрову. А, вдруг, Наташа – писаная красавица, и я сам влюблюсь по уши в кашинскую Дульсинею? Брошу жену, детей, работу и навечно останусь жить в древнем городе Кашине. Только под какой фамилией?

Какая чушь иногда лезет в голову.

Начальник отдела кадров мне не понравился. Особенно его глаза. Они вполне нормально смотрелись бы у разочарованной в «этих мужчинах» шансонетки, но у начальника отдела кадров завода, продукцией которого оснащены едва ли не все подводные лодки нашей страны...

– Чем могу быть полезен? – любезно поинтересовался начальник, отрешённо глядя сквозь меня и закрытую дверь в какую-то зачарованную, одному ему известную даль.

– Я к вам по распределению.

– Молодой специалист?

В голосе начальника отдела кадров не прозвучало ни единой заинтересованной нотки.

– Так точно! – едва не гаркнул я, но сдержал порыв души и ответил более чем скромно, настраиваясь на лад утомлённого жизнью собеседника. – Да.

– Химик?! – поинтересовался мужчина. – Наконец-то. Заждались.

Но голос говорил обратное: «И чего припёрся?»

Признаюсь, я несколько растерялся. Слово, вроде, знакомое, но какое отношение имеет к нему Вадим Красноталов, то, бишь, Владимир Лебедев?

– Извините, – недоумённо сказал я, – не совсем вас понимаю.

– Вы кто по специальности?

– Экономист.

– Э – ко – но – мист, – разочарованно протянул начальник отдела кадров. – Но мы *экономистов* не заказывали.

Он развёл руками и выразительно посмотрел на дверь.

– Разве Пётр Ильич Нароков не предупредил вас обо мне?

– Нароков? Гм, – начальник отдела кадров меланхолично пожевал губами. – Просил он меня на днях устроить человека. Это вас, значит?

– Значит.

– Какая у вас специальность?

Он что, издевается?

– Экономист! – повторил я более раздражённо, чем следовало бы. И швырнул на стол диплом с направлением.

Брезгливо выпятив нижнюю губу, начальник кончиками

пальцев взял «мой» диплом, повертел, не раскрывая, в руках и торопливо положил на место.

– Видите ли, – сонно проговорил он, – экономисты нам не нужны. Ни одной вакансии. Не знаю, куда вас и пристроить. Разве что, – он задумался, затем решительно снял трубку. – Единственная возможность, – тихо пробормотал кадровик, набирая номер, – Если она не поможет, то...

Начальник отдела кадров многозначительно покачал пре-красно подстриженной головой.

Вот тебе и великий организатор Нароков. Простейшее дело не смог организовать. Стоит ли удивляться, что у него люди пропадают среди белого дня?

Кадровик дозвонился-таки до таинственного и могущественного абонента.

– Елена Павловна? – Мёд, а не голос. – Это Волынский вас беспокоит. Сидит здесь у меня молодой специалист... Нет, не химик. Экономист... Знаю... Да уж больно парень хорош. Два метра ростом, красавец, в этаким ковбойском стиле. Может, взглянете?.. Да-да, вот и я говорю: женщины нам не простят, если такого кадра упустим... Сейчас подошлю.

Волынский бережно опустил трубку на рычаг и приторно улыбнулся.

– Теперь всё в ваших руках. Елена Павловна – начальник ООТиЗ, проще говоря, отдела организации труда и заработной платы, то есть наш царь и бог. Вернее, царица. Богиня, если хотите. Отправляйтесь на второй этаж и постарайтесь

понравиться ей.

Я, молча, встал, забрал документы и вышел из кабинета. С каким удовольствием я бы выбросил в окно полусонного начальничка! А заодно набил морду Нарокову. Кой чёрт дёрнул меня податься на юрфак? Романтики захотелось. Вот теперь отправляйся на второй этаж и жри там романтику полными горстями. А Нина, наверное, думает, что я с пистолетом в руке и с Мухтаром на поводке мчусь по кровавому следу под зловещий свист бандитских пуль. Если бы она знала, в чём заключается моя работа.

Но вот и нужная дверь.

# НАЧАЛЬНИК ООТиЗ

## ЗАРУБИНА ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

Мало удовольствия испытываешь от встречи с человеком, которому тебя пытаются всучить, как залежалый товар.

Но взявшись за гуж...

Я вошёл в кабинет. Второй за сегодняшний день. Он был значительно меньше, чем у начальника отдела кадров, и мебель была попроще. Но не в мебели было главное отличие. В первую минуту я подумал, что ошибся дверью и попал в оранжерею. Так много было зелени. Горшки и горшочки с цветами стояли и висели везде, где только можно было их приткнуть.

Я не сразу заметил хозяйку столь необычного кабинета, тем более что её кресло у стола пустовало. Она стояла у окна, спиной ко мне и что-то делала в длинном, во всё окно ящике, густо засаженном какими-то диковинными цветами. На ней было пёстрое и несколько коротковатое для занимаемой должности ситцевое платье. И фигурка под цветастым платьем вырисовывалась более чем выразительная. Особенно хороши были ноги. Особенно в той их части, которой они крепятся к туловищу.

Интересно, соответствует ли фасад корме, подумал я, и, как бы отвечая моим нескромным мыслям, женщина обер-

нулась. Я едва не крикнул от огорчения, настолько невзрачной оказалась спереди царица и богиня. Широкое, скуластое лицо, маленькие бесцветные гляделки под белесыми бровями. Правда, грудь у неё неплохая и сама не старая, лет 30 -35, не больше. Но, всё равно, лучше бы она не оборачивалась.

Елена Павловна положила на край стола тонкую, заострённую с одного конца палочку, которой, как я догадался, рыхлила землю в ящике, уселась в кресло и вопросительно посмотрела на меня.

– Здравствуйте, – сказал я.

– Здравствуйте, – сухо ответила Елена Павловна. – Присаживайтесь.

Я послушно опустил на потёртый стул напротив Елены Павловны.

– Меня направил к вам начальник отдела кадров.

И попытался изобразить улыбку.

– Догадалась. Значит, вы – экономист?

– Экономист, – в третий раз за последние десять минут солгал я.

– Что окончили?

– КГУ. Экономический факультет.

– Иван Петрович предупредил, что свободных мест у нас нет?

– Предупредил.

Елена Павловна откинулась на спинку кресла и, взяв в руки палочку, принялась легонько постукивать ею по краю сто-

ла.

– Не знаю, что с вами делать? Были бы вы химик. А так никто не позволит взять сверхштатную единицу. И без того штаты раздуты до предела. Комиссии следуют одна за другой. Не успеваю отбиваться. Работать некогда. Только вчера проверяющий из министерства уехал, а в десятом цехе уже письмо накатали: мол, трудоёмкость не уменьшается, а расценки режут. Значит, не сегодня-завтра жди новую комиссию. А что прикажете делать, когда ежегодно планируется снижение трудоёмкости? И как её, спрашивается, снизить, если оборудование допотопное, вконец изношенное, а новое взять негде, да и не на что. Вот и крутишься, как белка в колесе. Иногда думаешь: плюнуть на всё и податься куда-нибудь, хоть на пайку – деньги те же, а нервы никто не будет трепать. Отработала смену – и кума королю...

Она говорила и говорила, а я сидел, смотрел на неё и, молча, слушал. И долго не мог сообразить, что за странное ощущение испытываю?

Улыбка. У неё была необыкновенно чувственная улыбка. Не улыбка, а улыбочка. Она практически не сходила с её лица во всё время монолога, перекаtywаясь из угла в угол большого, с ровными белыми зубами рта.

Ещё несколько минут подобной пытки, и я не ручаюсь за себя.

Я провёл рукой по лицу и встал.

– Всё ясно, придётся поискать другое место.

Не больно-то мне и надо. Я прекрасно проживу без вашего зачуханного завода. С лёгкой душой и чистым сердцем вернусь обратно, в родной Калинин, а Нароков пусть сам соблазняет Наталью Петрову и всех остальных одноклассниц пропавшей Татьяны Никитиной.

– Что вы, – встрепенулась Елена Павловна, – так сразу и другое. Придумаем что-нибудь. На то и даны нам мозги. Грех упустить такого интересного мужчину. Мне наши бабёнки не простят подобного кощунства и после Страшного суда. Садитесь, чего вскочили?

– Спасибо. В дороге насиделся.

Елена Павловна задумалась, улыбка сошла с её лица, но, странно, я больше не замечал его заурядности. Я ждал.

И она улыбнулась.

– Вот что мы сделаем, – сказала Елена Павловна. – У нас одна женщина в декрете. Мы пока оформим вас на её место. Раньше февраля она не выйдет, а там придумаем что-нибудь. Устроит вас такой вариант?

– Вполне.

Не буду же я торчать здесь до февраля?

– Вот и хорошо, – подытожила Елена Павловна. – Да, кстати, вы женаты?

– Нет, – твёрдо солгал я.

– Ничего. Мы подыщем вам невесту, – утешила меня Елена Павловна, поднимая трубку переговорного устройства. – Николай Николаевич, зайдите, пожалуйста. Николай Нико-

лаевич – начальник бюро организации зарплаты, – пояснила Елена Павловна. – Будете у него работать. Он вас и оформит.

Через минуту вошёл низенький плотный мужчина лет пятидесяти пяти. У него была какая-то непонятная подпрыгивающая походка. Словно у залётного аиста, который отведал хозяйского полена. От мужчины и попахивало «Белым аистом».

– Николай Николаевич! – Елена Павловна наморщила нос, укоризненно покачала головой. – Опять?! Ну, сколько говорить об одном и том же?

Николай Николаевич, браво выпятив широкую грудь, молча «ел» начальство голубыми глазками-пуговками.

Елена Павловна обречённо вздохнула.

– Николай Николаевич, – устало повторила она, – этот товарищ, да, кстати, вы мне не представились...

Она недоумённо улыбнулась.

– Лебедев Владимир Николаевич, – бойко отрапортовал я.

– Владимир Николаевич будет работать у вас в бюро. На Светином месте, – уточнила она.

– Молодой специалист? – прорезался, наконец, Николай Николаевич. У него оказался весьма приятный тенор. Должно быть, любит попеть, когда «нааистится» до нормы.

Елена Павловна утвердительно кивнула.

– Сто пятнадцать?

– Сколько Света получала?

– Сто тридцать.

Елена Павловна задумалась. Окинула меня оценивающим взглядом.

– Дадим сто двадцать пять. Пятёрка останется в резерве. Николай Николаевич с сомнением покачал головой.

– Не положено.

– Ничего, – решительно ответила Елена Павловна, – этот грех останется на моей совести... Вы свободны, Николай Николаевич.

Николай Николаевич развернулся и запрыгал к двери.

Елена Павловна проводила его задумчивым взглядом.

– Давно пора на пенсию, – заметила она, едва за Николаем Николаевичем захлопнулась дверь, – да никак не найду подходящей замены. Пьёт, но дело знает. А в бюро, как назло, никто не годится... Может из вас получится что-нибудь толковое?

Ого, мне здесь ещё и карьера светит. Не выйдет из меня Шерлока Холмса, стану экономистом. Выбьюсь в начальники бюро. Подсiju Елену Павловну, займу её место. Чем не перспектива? Главное, что всё ясно и понятно: лижи высшего, долбай ближнего, гадь на нижнего. И вся философия. Не то, что у нас. Пропала девчонка, рой землю носом, ищи, где хочешь.

– Николаю Николаевичу не дашь шестидесяти, – ответил я.

– У него вредность. Впрочем, об этом рано говорить. Оформляйтесь, а завтра в восемь ждём вас на рабочем ме-

сте. До свидания.

– До свидания.

От Елены Павловны я вернулся в отдел кадров, оттуда меня направили в поликлинику. В поликлинике я прошёл такой плотный медосмотр, словно отбирался в первый отряд космонавтов, затем опять ООТиЗ. На этот раз меня принял Николай Николаевич, после чего я побывал ещё в нескольких кабинетах и лишь в пятом часу, измотанный до предела, переступил порог проходной.

На работу я устроился. Пора подумать о жилье. Что говаривал Нароков? Луначарского, 9, если не изменяет память.

Найти улицу Луначарского не составило особого труда: городок, действительно, был маленький, и язык у меня пока ещё не отсох. Не прошло и двадцати минут, как я оказался в нужном месте.

Дом №9 был крайним, стоял он на берегу реки, так что большая часть огорода находилась на круто уходящем вниз склоне. Мало удовольствия копать в таком огороде. Зато с поливом нет проблем. Вода рядом.

Но сам дом к «последним» никак нельзя было отнести. Огромный крытый железом и обшитый тёсом домина с множеством разукрашенных резными наличниками окон и просторной верандой. Правда, железо пестрело кое-как наляпантыми заплатами, краска на доме облупилась, половина наличников отсутствовала, доски основательно прогнили и кое-где оторвались, забор перекосялся так, что было непо-

нятно, как он вообще стоит – короче говоря, лучшие времена для дома явно «канули в Лету». Как заметил бы по этому поводу незабвенный Шерлок Холмс, в доме нет хозяина. И со своей, английской точки зрения он, безусловно, был бы прав. Но лично я ничуть не удивился бы, обнаружив пресловутого хозяина, находящегося в горизонтальном положении где-нибудь в луже у такого же гнилого сарая. Отнюдь не в трезвом виде, разумеется.

Ибо: у нас не Англия.

И потому: у нас всё возможно.

Даже невозможное.

Невозможен лишь Шерлок Холмс со своей дедукцией.

Потому и приходится работать нам грешным.

Копаться в такой грязи, в какой и десять Холмсов растворились бы без остатка.

Я осторожно приоткрыл едва держащуюся на одной ржавой петле калитку и, радуясь отсутствию «злой собаки», вошёл во двор. Поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

Тишина.

Постучал громче.

Никакого эффекта.

Постучал значительно громче.

Тот же самый результат.

Я почесал затылок, раздумывая, что мне лучше сделать: грохнуть кулаком «от всей души» или уйти восвояси, когда неожиданно заметил кнопку электрического звонка. Изви-

нить меня может то, что прикреплена кнопка была необычно низко и, вдобавок, совершенно не там, где бы ей полагалось находиться.

Я с усердием надавил на чёрную пуговицу, подержав её, для верности, в нажатом состоянии несколько секунд.

В сенях что-то загрохотало.

– Сейчас, открою, – раздался немолодой женский голос.

Заскрипел отодвигаемый засов, и передо мной предстала маленькая – очень маленькая, – но крепенькая и шустрая старушонка в типичной старушечьей одежде: непонятного цвета кофте и чёрной юбке до пят.

Ей пришлось весьма высоко задрать покрытую чёрным платком голову, чтобы рассмотреть нежданного гостя. Впрочем, больше таких подвигов старушка не совершала и во время нашего последующего разговора довольствовалась лицезрением нижней пуговицы на моей рубашке.

– Здравствуйте, – бодро сказал я.

– Здравствуйте, коли не шутишь, – ответила старуха.

Я не уловил восторга в её голосе, но отступить было некогда.

– Вы, случаем, не Марья Ефремовна Шорникова?

– Вроде так кличут.

– Мне порекомендовали вас в отделе кадров завода электроаппаратуры. Они сказали, что вы принимаете квартирантов.

– Держала.

– Меня не возьмёте на квартиру?

– А ты кто будешь?

– В каком смысле?

– Где работаешь?

– Я – молодой специалист. Приехал сюда по распределению. Устроился на завод электроаппаратуры экономистом.

– Экономистом, – повторила старушка. – Это хорошо.

– Так вы возьмёте меня на квартиру?

– Взять-то можно. Комната как раз освободилась. Только больно уж ты мужик здоровый. Много, небось, надо.

– Чего надо? – не понял я старухи.

– Её, родимой. Беленькой. Чего ещё? Не портвейн же ты потребляешь.

– Я, бабушка, не пью.

– Как не пьёшь?

В старушечьем голосе прозвучал явный испуг.

– Грамм пятьдесят могу выпить. Не больше.

– Это почему? Больной что ли?

– Спортсмен я, бабушка.

– А, – облегчённо вздохнула старушка, – это хорошо. Да ты чего стоишь? – засуетилась она. – Пойдём, покажу тебе комнату. Может она тебе и не глянется.

Но комната мне «глянулась». Просторная, светлая, чистая. Есть всё, что нужно: металлическая кровать, двустворчатый шкаф из морёной фанеры, небольшой сосновый стол, два венских стула. Над кроватью – непременно коврик с ле-

бедями, на полу – домотканый половичок.

– Верка здесь жила. Весной ремонт сделала. Обоями обклеила. Хорошие обои?

– Хорошие, бабушка.

– И девка она хорошая. Ласковая. Всё, бывало, помочь норовит: огород прополет, полы помоеет, бельё на речке прополоскает. И деньги всегда вперёд отдавала... Прогнала я её.

– За что? – удивился я.

– Больно она непутёвая. Не дом, а проходной двор. Как вечер, так мужики шмыгают. Взад-вперёд. И всё разные. Есть ничего, тихие, а другие – оторви да брось. Смолят папиросы прямо в доме. Того и гляди, хату спалят. Останешься без угла на старости лет. Говорила ей, говорила. Всё без толку. Оно и понятно. Дело молодое. Вот и выгнала. Второй месяц пошёл.

– Я не курю, бабушка.

– И молодец. Мой старик из-за курева помер. Рак лёгких получил. А так, глядишь, и пожил бы ещё. Пожевал бы хлеба. Понравилась комната?

– Хорошая комната.

– И я говорю. Удобств, конечно, нет. Нужник в огороде. За водой будешь к Тимофеевне ходить, она за два дома отсюда живёт. Зато газ, слава тебе господи, провели. Хоть перед смертью довелось пожить по-человечески. Ни угля, ни дров не надо. Включила горелку, и душа не болит.

– Верно, – согласился я. – Сколько всё это будет стоить?

– Верка тридцать рублей платила. И с тебя больше не возьму. —

(Куда больше, и так дерёшь как в московской гостинице.) – Бельё моё, конечно, – поспешно добавила хозяйка. – Раз в две недели буду менять.

– Хорошо, бабушка. Возьмите деньги.

Я достал бумажник и отсчитал тридцать рублей. Интересно, придётся мне платить ещё? Как бы не хотелось, хоть деньги и казённые...

– Тебя как звать-то?

– Владимир.

– Володя, значит. А лет сколько?

– Двадцать пять, бабушка.

– Молодой, – вздохнула старушка. – А мне в мае семьдесят пять исполнилось.

– Ровесница века. А выглядите вы хорошо. Семьдесят пять никак не дашь.

– Маленькая собачка до старости щенок. Да, – спохватилась она, – паспорт отдай. Я его в милицию снесу. А то у нас строго насчёт этого.

Я беспрекословно отдал хозяйке паспорт. Интересно, обнаружат в паспортном столе, что он фальшивый? Впрочем, как им обнаружить?

– Бабуль, мне бы на вокзал сходить. У меня там вещи остались.

– Сходи, миленький, сходи. Располагайся.

Она, наконец, вышла из комнаты, а я пошлёпал на вокзал. Добрался до него за десять минут. Вынул из камеры хранения чемодан и заглянул в станционный буфет. Я с утра ничего не ел, и в желудке давно творилось, чёрт знает что.

Выбор в буфете был небогат. Но за неимением лучшего... Я взял пару варёных яиц, пяток холодных котлет, стакан чуть тёплого чая и каменной твёрдости коржик.

Нужно как-то решать проблему с питанием. Мне вовсе не улыбалась перспектива заработать язву желудка. На заводе наверняка есть столовая, и с обедом сложности не будет. Но вот завтрак и ужин. У меня даже ложки нет, не говоря о чайнике и кастрюле.

Я залпом выпил так называемый чай и, оставив буфетчице для дальнейшего использования нетронутый коржик, поспешил в свой новый дом. Там наскоро разобрал вещи и подошёл к хозяйке, которая в позе «зю» копалась в огороде.

– Марья Ефремовна, где у вас магазин?

– На соседней улице. Дойдёшь до каменного дома, повернёшь направо, там опять направо, в магазин и упрёшься.

– Марья Ефремовна, у вас холодильника нет случайно?

– Есть. На кухне стоит. Верка свои продукты на верхней полочке держала. И ты там храни.

– Спасибо, Марья Ефремовна.

– И посуду бери, какая свободная. Не стесняйся. А и разобьёшь – не страшно. Полно её, посуды-то. Не в могилу ж её тащить?

– Спасибо, Марья Ефремовна.

– И на огороде рви, чего надо. Лучок там, огурчик или морковочку. Только картошку не трогай. Её с умом надо копать. Лучше мне скажи, я сама нарою.

– Спасибо, Марья Ефремовна. Значит, направо?

– Направо, миленький, направо. Оба раза направо.

х х х

Это был маленький деревянный магазинчик. Едва ли не добрую половину полезной площади которого занимали бутылки с самыми разнообразными этикетками. Каких только вин, настоек и наливок там не было. В Калининском ассортимент подобной продукции значительно беднее. Местным алкашам раздолье в таком море разливанном. Впрочем, у них здесь имеется собственный ликёроводочный завод. Не может быть, чтобы на нём не было утечки. Может этим и объясняется ликёроводочное обилие на прилавке.

Подумав, я купил бутылку водки местного производства. Надо закрепить отношения с хозяйкой. Кроме того, взял полкило сливочного масла, килограмм российского сыра, килограмм шпика, два десятка яиц, пачку сахара, пачку чая, пачку печенья, буханку хлеба и батон. Засунул продукты в авоську и двинулся назад.

Когда я подходил к хозяйскому дому, из калитки выскочила молоденькая девушка с заплаканными глазами и, едва не налетев на меня, шмыгнула мимо. Я узнал в ней хорошенькую студенточку, мою соседку по автобусу. На ней

и курточка была та же самая.

Интересно, что ей здесь надо? Родня? Но почему глаза на мокром месте? Впрочем, это её личное дело, и меня оно не касается ни с какого бока. Чёрт, а соль-то забыл! Я оставился. Разиня проклятый. Но не возвращаться же обратно? Попрошу у бабки.

Хозяйка с видимым удовольствием согласилась отметить моё новоселье. Забегала, засуетилась, проворно шмыгая в погреб и на огород. Не прошло и часа, как стол в горнице был накрыт: варёная молодая картошка, малосольные огурчики, яичница с салом, зелёным луком и мелко потёртым сыром. Что ещё надо?

– Марья Ефремовна, вы одна живёте? – поинтересовался я у хозяйки, после того как мы выпили по стопочке.

– Одна, миленький. Пять лет как одна маюсь на белом свете.

– Не скучно?

– Когда скучать? Весь день в хлопотах.

– А дети у вас есть?

– Есть. Трое. Иван, Пётр и Андрей. Иван-то с Петром погибли. Один под Москвой, второй под Сталинградом. Андрей живой вернулся. В Калининне живёт. На вагонном работает.

– Навещает.

– Бывает.

– Помогает?

– Какое там. Сам норовит увезти чего... Пьёт он. И лечился, а... всё без толку. Видать могила его вылечит.

– Не работаете?

– Какая в мои годы работа.

– Как сказать? Многие работают. Пенсия, наверное, небольшая?

– Тридцать два рубля.

– Как же вы живёте? С огорода?

Жила-то она совсем неплохо. Мебель в горнице из натурального ореха, и посуда в серванте стояла богатая, даже картина какая-то висела на стене. Чувствовалась, чувствовалась зажиточность. С каких только доходов, интересно знать? Не с Веркиной же тридцатки.

– Какой там огород, – махнула рукой Марья Ефремовна. – Разве с него прокормишься? Люди помогают.

– Где ж вы таких добрых людей находите, – любопытствовал я, не очень-то веря в бескорыстную помощь абстрактных «человеков». – Да вы наливайте, – спохватился я, заметив, как она поглядывает на бутылку.

Я наполнил её стопку и чуть-чуть плеснул себе. Мы выпили.

– Так ведь сами домогаются, – продолжала хозяйка, старательно зажёвывая водку огурчиком. – То одна попросит, то другая. Как откажешь? Вот они и благодарят. Только перед тобой девка приходила, Христом-богом молила аборт сделать. Сто рублей сулила.

Вот оно что!

– Нет, говорю, голубушка, стара я стала. И глаза, и руки не те. Беды наделаю, и сто рублей твоих не спасут. Уйди от греха подальше. Младенца я бы ещё приняла. А вот аборт больше мне не под силу.

– Чего же она в больницу не обратилась? Ведь аборт у нас не запрещены. И тайна гарантируется.

– И-и, милый! Какая тайна. Городок-то наш маленький. Все друг у дружки на ладони. Только зайди в больницу, а самая последняя дворняжка знает, что Танька Федотова, это я, к примеру, через Федьку Лупоглазова аборт промышляет. Какая будет у Таньки после этого жизнь?

Интересно, а Марье Ефремовне что-нибудь известно про Никитину? Спросить ненароком? Нельзя.

– И давно вы... промышляете?

– Давно. Ещё при нэпе начала. Свекровь, покойница, царствие ей небесное, приобщила. Всей премудрости обучила. Абортов тогда, правда, против нонешнего было мало. Все родить норовили. Которые от законного мужа, те, конечно, в больнице. А вот у кого дочка нагуляет, те меня пригласить старались. Отвезут девку подальше, сховают покрепче – и за мной посылают. Выручай, Ефремовна. Как не выручить? Девке замуж надо, а кто её, дуру, возьмёт с таким приданым? В те-то годы. Хочешь, не хочешь, а приходилось избавляться.

– Как это?

– Очень даже просто. Если младенец мёртвым родится, а в те годы это часто случалось – закопаю. Никто ничего не узнает. А если живой родится, да здоровый – в приют отдам.

Марья Ефремовна замолчала и задумалась о чём-то своём. Я наполнил стопочку.

– В войну опять много было работы, – продолжала бабулька, молодецки опорожнив стопку. – Сколько баб не от мужей рожало. И абортыв делали. Ну, это больше эвакуированные. А потом затихло помаленьку. Но и сейчас хватает, да я отказываюсь. Стара. Хватит с меня.

Действительно, хватит, подумал я, вставая.

– Спасибо, бабушка, за хлеб, за соль.

– Не за что. А и вправду питок ты никудышный.

– Какой есть. Вы бутылку-то заберите, допьёте помаленьку.

– И то верно, – согласилась хозяйка, затыкая бутылку капроновой пробкой и убирая её в сервант. – Так ты бери, чего надо. Не стесняйся. Только картошку сам не копай.

Далась ей картошка. Как оберегает. Вот и кончился мой первый день в Кашине, а я и на шаг не продвинулся к наметенной цели.

## Глава третья

30 июля. Среда. Кашин.

Я проснулся ровно в семь. Зевнул, потянулся, встал и, сунув ноги в тапочки, рысцой выбежал во двор. Угроздило их построить нужник в самом конце огорода. Не могли поближе поставить. Ладно – сейчас лето, а зимой? Брр, даже подумать страшно.

Огород у старухи приличный. Соток десять – не меньше. И почти весь засажен картошкой. Ничего, хорошая картошка. Дружная. В одном месте только ботва какая-то вялая. Почти у самого сортира.

– Доброе утро, сосед! – вдруг прогремело из нужника.

Я вздрогнул от неожиданности.

– Доброе утро. Это вы, Пётр Ильич?

– Я. Кто же ещё? – ответил Нароков, открывая дверь.

Он был в синем спортивном костюме и шлёпанцах, мокрых от утренней росы. – Как устроился?

– Нормально.

– Чего стоишь? Иди, – он кивнул на дверь. – Я подожду.

Когда через несколько минут я вышел из «приюта отдохновения», Нароков стоял на том самом месте, где я оставил его и задумчиво рассматривал участок с вялой картофельной ботвой.

– Пожадничала бабка, – сказал он, качая головой. – Го-

ворил ей: зачем копаешь в такую рань? Ещё не отцвела толком. А-а.

Нароков понуро махнул рукой.

– Пётр Ильич, – обратился я к нему. – У вас нет турничка? Размяться бы немного. Организм требует.

– Какой ещё турничок? Ах, да. Есть турник. Идём ко мне во двор.

Он круто развернулся через левое плечо и повёл меня за собой.

– Пётр Ильич, вы моей хозяйке случайно не родня?

– Дальняя. А что?

– Ничего. Элементарное любопытство.

Турник был неплохой. Низковат, правда.

– Колька мой смастерил, когда в десятом классе учился, – грустно улыбаясь, сказал Нароков. – К армии готовился.

– Два года – разве это служба? – я стащил футболку и сделал несколько резких махов руками. – Я три года отпахал и то не заметил, как время пролетело.

Я в быстром темпе стал подтягиваться: пятнадцать раз на грудь, пятнадцать – на затылок. Трёхминутный перерыв. Пятнадцать на грудь. Пятнадцать на затылок. Минутный перерыв. Теперь наклоны. Энергичнее, как можно энергичнее. Минутный перерыв. Теперь приседания.

Пока я занимался, Нароков, насупленный, стоял в сторонке и молча наблюдал за мной. Сам он и пальцем не шевельнул. Зато и живот, как на седьмом месяце беременности.

– Здоров, – сказал Пётр Ильич, когда я начал делать дыхательные упражнения. – Не дай бог встретиться с тобой в тёмном месте. А бабам, наверное, нравится?

– У них и спросите.

– Хорошо бы тебе с Натальей на пляже познакомиться.

– Отдайте приказ, назначьте время и место.

– Д-да, – вздохнул Нароков. – С турничком ты хорошо придумал. Здесь и будем встречаться. Глядишь, меня приохотишь.

И он с отвращением оглядел свой живот.

От Нарокова я спустился к речке и тщательно умылся. Жаль, мелкая. Не искупаешься. Надо узнать, где у них пляж. Купалась где-то Татьяна?

Я вернулся в дом и растёр тело лохматым китайским полотенцем, почистил у рукомоЙника зубы и побрился. Принёс на кухню два ведра воды, сел за стол, разрезал батон, вложил в него толстые, в палец толщиной, ломти сыра, с аппетитом съел сие произведение, запив его двумя стаканами чая, и отправился на работу.

Посмотрел бы на меня Нароков пятнадцать лет назад, а ещё лучше, на такого, каким я был в первом классе. Узник Бухенвальда. Из-за своих нескончаемых болезней я даже остался на второй год. В первом-то классе! «Шнурок». Моё школьное прозвище.

Не появись осенью шестидесятого в нашей школе новый физрук, так бы и ходить мне в «Шнурках» всю оставшуюся

жизнь. Он был мастером спорта по тяжёлой атлетике. Огромный, массивный мужик.

Но как он изумил нас, как раскрылись наши рты, когда, похожий на бегемота физкультурник, с лёгкостью бабочки с ногами вспорхнул на коня, поднятого едва ли не на максимальную высоту.

Одним прыжком он покори́л моё сердце.

А затем физрук организовал для старшеклассников секцию атлетической гимнастики. Как я боялся, что он не возьмёт меня. Но учитель посмотрел мне в глаза, (для этого ему пришлось задрать голову, так как я был самым длинным в школе) и, ничего не сказав, поставил в строй. Там, на секции, мне и довелось испытать свою первую любовь. Предметом моего пламенного, беззаветного и на первых порах – увы – безответного обожания стало существо с весьма непоэтичным названием – штанга. Не смейтесь. Это была настоящая классическая любовь со всеми её причинами: приступами мучительной ревности, бешенством неуголённой страсти. О, какая нега разливалась по моему телу при одной только мысли об этом предмете. Как замирала душа, как холодело сердце, когда, переодевшись в спортивный костюм и основательно, до пота, размявшись, я подходил к ней, моей вожаденной, моей единственной, томно покоящейся на помосте. С каким трепетом прикасался я кончиками пальцев к её рифлёному грифу.

Я пронёс свою любовь через все последующие годы. До-

статочно сказать, что небольшая, шесть на девять, карточка Евгения Сандова до сих пор лежит в нагрудном кармане моего костюма. И когда в шестьдесят первом, после окончания школы, я не поступил на юрфак МГУ, то пошёл работать на вагонзавод исключительно из-за того, что там, в СК «Планета» была секция тяжёлой атлетики.

Два года «железных игр» дали своё, и, когда весной шестьдесят второго меня призвали в армию, в военкомате никого не удивило моё желание служить в ВДВ.

В армии, выполняя наказ отца и учитывая собственный печальный опыт, когда для поступления в МГУ мне не хватило одного балла, я вступил в партию. И никогда в своём решении не каялся. В маленькой красной книжечке таилась могучая сила. Жаль, что далеко не все пользуются ею во благо.

Весной шестьдесят пятого я благополучно демобилизовался, а осенью стал студентом первого курса юрфака МГУ. Той же осенью я переступил ещё один порог – клуба атлетической гимнастики «Геракл», что находился в Черёмушках.

Никогда не забыть тех вечеров, когда с толстой сумкой в руках я вылезал на конечной остановке двадцать второго трамвая и, убыстряя шаг, шёл к заветному дому, в подвале которого размещался наш клуб...

Николай Николаевич встретил меня в коридоре и провёл в небольшую комнату, тесно заставленную столами и шкафами. Шкафы, в свою очередь, были забиты документами.

Столов было восемь. Они стояли в два ряда по четыре стола в каждом.

Проход между столами был настолько узок, что, глядя на массивную даму восточного типа, которая царственно восседала в конце левого ряда, я с удивлением подумал, как она забралась туда? И как вылезет обратно? Впрочем, даму, судя по тому, сколь безмятежно покоилась она на своём стуле (ну, царица Савская на золотом троне!) эта проблема волновала меньше всего. Перед ней на столе, на свободном от бумаг месте, стояла чашка, источавшая терпкий и необыкновенно вкусный кофейный аромат (дама явно знала толк в хорошем кофе) и высилась внушительная горка печенья домашней выпечки. В момент нашего появления «восточная дама» меланхолично жевала печенину, запивая её крохотными глоточками кофе.

Перед «восточной дамой» сидел симпатичный темноволосяй парень лет двадцати пяти. Его голубые глаза с отсутствующим видом были устремлены в потолок. Ни дать, ни взять – Ленский перед дуэлью.

Перед «Ленским» размещался ещё один представитель сильной половины рода человеческого. Он выглядел лет на десять старше своего соседа. Его отличительной особенностью было багровое лицо с бегающими во все стороны глазами.

Первый стол в левом ряду был свободным.

В правом ряду также один из столов был свободным, но,

в отличие от первого, завален всевозможными папками и бумагами, из чего я сделал вывод, что данный стол принадлежит Николаю Николаевичу. Остальные три места занимали малозаметные и малопривлекательные женщины средних лет, которые что-то ожесточённо считали и писали.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.